

О концепции советской украинизации в современной украинской науке

Борисёнок Елена Юрьевна
Доктор исторических наук, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: vostslav@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8642-0185

Цитирование

Борисёнок Е. Ю. О концепции советской украинизации в современной украинской науке // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 82–104. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.04

Статья поступила в редакцию 24.07.2024.

Рецензирование завершено 03.03.2025.

Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация

Настоящая статья посвящена представлениям о советской коренизации/украинизации в национализированной версии украинской истории, изложенным на страницах обобщающих академических трудов современных украинских историков. Анализируются крупные коллективные монографии, выпущенные за последние 30 лет профессиональным историческим сообществом, прежде всего – Институтом истории Украины Национальной академии наук Украины, который является одним из ведущих научных учреждений и одним из основных партнеров государства в профессиональной исторической среде. Проблема советской украинизации чрезвычайно политизирована в современной украинской историографии и трактуется в русле националистического нарратива и национально-освободительной борьбы украинского народа. Базовыми принципами концепции советской украинизации являются ее вынужденность из-за узкой базы большевистской партии в республике, противоречивость и непоследовательность политики, ведущая роль национальных сил в продвижении украинизационного курса. Долгое время в обобщающих трудах признавалось влияние украинизации на национально-культурное развитие украинцев, однако в последнее время намечается

пересмотр этого положения. В работе 2021 г. под названием «Украина и украинцы в постимперский период (1917–1939)» большевикам отказано в каком-либо положительном влиянии на национализующие процессы в УССР.

Ключевые слова

Современная украинская историография, советская украинизация, УССР, национальная политика большевиков.

К 30-летию провозглашения независимости Украины в Киеве вышли первые тома серии «Украина. Очерки истории»: в 2021 г. были изданы три книги, посвященные XX – началу XXI в.¹, в 2022 г. – два тома, посвященные XIX в.², в 2023 г. – том, посвященный еще более раннему периоду³. Этот большой проект был задуман и реализован Институтом истории Украины Национальной академии наук Украины (НАНУ) и представляет собой важный этап в развитии украинской историографии, заставляя еще раз обратить внимание на характерные черты украинского исторического нарратива.

Серию открыли книги, посвященные XX веку, что не удивительно, учитывая его особое значение для легитимизации возникшей после распада Советского Союза независимой Украины, развернувшуюся после 2014 г. волну декоммунизации и влияние политической конъюнктуры на изучение этого периода украинского прошлого. По меткому замечанию украинского историка Г. В. Касьянова, советский период в национализированном нарративе описывается «исключительно негативно, как темная эпоха тоталитаризма, национального угнетения и нескончаемых попыток ассимилировать или даже

1 Україна й українці в постімперську добу (1917–1939) / Л. Якубова (керівник авт. кол.) та ін.; відп. ред. В. Смолій. Київ, 2021; Україна і виклики посттоталітарного транзиту (1990–2019) / В. Головка, Л. Якубова; відп. ред. В. Смолій. Київ, 2021; Україна в епіцентрі протистояння світових систем (1939–1990) / В. Даниленко та ін.; керівник авт. кол. Л. Якубова; відп. ред. В. Смолій. Київ, 2021.

2 Україна в XIX столітті: доба модернізації / В. Шандра, О. Аркуша. Київ, 2022; Україна в XIX столітті: людність та імперії / В. Шандра, О. Аркуша. Київ, 2022.

3 Шлях з первісності у цивілізацію. Українські шати середньовіччя / В. Балушок та ін. Київ, 2023.

уничтожить украинскую нацию». Основные вехи этого периода – «три больших голода 1921–1923, 1932–1933, 1947 гг. (как трагедия нации, попавшей под иностранное/коммунистическое господство, и свидетельство намерений уничтожить основу нации, крестьянство), националистическое движение 1920–1950-х гг. (как пример трагической и героической борьбы нации за свободу), Вторая мировая война (как пример трагедии негосударственной нации, оказавшейся в эпицентре схватки двух тоталитарных режимов), политические репрессии 1920–1950-х гг. (как сюжет об уничтожении цвета нации — интеллигенции и любых проявлений непокорности), хрущевская “оттепель” и шестидесятники, брежневский застой, горбачевская перестройка и торжество исторической справедливости: превращение Украины в независимое государство в 1991 г.»⁴. Между тем хотелось бы обратить внимание на еще одно явление – советскую украинизацию, которая не попала в перечень украинского историка, но не менее показательна для анализа происходящих в украинской историографии процессов. Представляется интересным проанализировать оценку этого феномена в обобщающих коллективных академических трудах, создающих украинский исторический гранд-нарратив. Большинство таких трудов было подготовлено одним из ведущих научных учреждений – Институтом истории Украины НАНУ, которым с 1993 г. руководит академик НАНУ В. А. Смолий. Этот институт, в котором работают специалисты высокой квалификации, является одним из основных партнеров государства в профессиональной исторической среде.

Как указывает Г. В. Касьянов, «в 1993 г. со стороны государства достаточно явно прозвучал заказ на создание “истории украинского народа”, сформулированный президентом Л. Кравчуком». Началась подготовка многотомного издания «по образцу и подобию “Истории Украинской ССР”». Как считает украинский историк, проект не состоялся из-за экономического кризиса. Тем не менее в конце 1990-х гг. вышло многотомное издание «Украина сквозь века», впрочем, подчеркивает Касьянов, «проект “украинского миллениума” не получился»: «по сути, каждый том был авторской версией понимания определенного периода истории Украины»⁵.

Новые подходы и оценки прошлого были отражены в двухтомнике «История Украины: новое видение», подготовленном в середине

⁴ Касьянов Г. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М., 2019. С. 345–346.

⁵ Там же. С. 284–285.

1990-х гг. учеными Института истории Украины. Националистический нарратив представлен здесь еще не в самом радикальном своем варианте. Советская украинизация была освещена довольно кратко (текст занимает около двух с половиной страниц) и трактовалась как украинская разновидность политики коренизации, провозглашенной в апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б). «После осуществления в 1922 г. “автономизации” национальных республик центральное руководство считало необходимым уделить повышенное внимание развитию культур народов СССР», – подчеркивается в монографии. Украинские специалисты обратили внимание на расхождение внешних форм и содержания украинизации: «Декларировалось, что основной целью этой политики является содействие развитию культур и языков национальностей. Но на первом плане у государственной партии были другие задачи: укорениться в национальных республиках (отсюда и название политического курса – коренизация). Чтобы укрепить свое влияние в республиках, партия должна была разговаривать с населением на его языке и создать собственных аппаратчиков из местных кадров». Однако украинские ученые в середине 1990-х гг. не отвергают определенного положительного эффекта советской политики: «Но несомненно, что коренизация имела побочный эффект в виде стремительного развития подавленных до того национальных культур»⁶. Среди весомых результатов украинизации значится увеличение численности украинцев среди служащих государственного аппарата, массовые наборы украинцев в партию, продвижение украинского языка в сфере образования, издательской сфере и т. д.⁷

Очевидно, что на выработку концепции национальной истории немалое влияние оказала книга Ореста Субтельного (1941–2016) «Украина. История», изданная на украинском языке в Киеве в 1991 г. Напомним, что канадский историк украинского происхождения, ставший в 1992 г. иностранным членом НАНУ, в своей работе утверждал, что «коммунистической партии в первые годы ее правления все еще ощутимо не хватало поддержки нерусских народов», она «оставалась крохотной, преимущественно русской и городской организацией», которая чувствовала себя неуверенно среди крестьянства и «нерусских масс», «колебавшихся в своих настроениях и не знавших, какую власть поддержать». Именно поэтому, «когда

6 Історія України: нове бачення: У 2-х т. / В. Ф. Верстюк та ін.; під ред. В. А. Смолія. Київ, 1996. Т. 2. С. 203.

7 Там же. С. 204.

нэп успокоил крестьянство, партия начала кампанию, направленную на расширение поддержки со стороны нерусских народов, на завоевание их благосклонности»⁸. Такая оценка причин советской украинизации прочно вошла в украинскую историографию.

На 1990-е и нулевые годы пришелся, пожалуй, пик популярности темы советской украинизации, хотя интерес не угасал и в дальнейшем. Несмотря на обилие работ, обобщающих фундаментальных трудов академического уровня по украинизации явно недостает. К числу последних в полной мере можно отнести коллективную монографию ««Украинизация» 1920–30-х годов: предпосылки, достижения, уроки», которая вышла в 2003 г. Ее авторы пытались ответить на вопрос, «был ли украинизаторский курс реальным осознанием необходимости децентрализаторских шагов или заранее спланированным обманом, широкомасштабной провокацией». «Истина, очевидно, лежит где-то посередине, – говорится в монографии. – Большевики умели маневрировать на грани коварства и полного аморализма. Но в умении перехватывать инициативу, предвидеть возможные осложнения им также не откажешь»⁹.

Следует признать, что представленные в данной монографии постулаты позднее неоднократно цитировались в украинской историографии. В частности, указание на необходимость разграничивать два явления, обозначаемые одним и тем же термином «украинизация»: проводимую властями национальную реформу и «национально-культурное движение масс, подчиненное задачам национального возрождения»¹⁰. Неоднократно повторялся и тезис о том, что советская украинизация – типичное проявление «этнополитики советского режима на Украине»¹¹ – была политикой неоднозначной, непоследовательной, но, тем не менее, оказавшей влияние «на политизацию этничности», политическое сознание, мобилизацию на достижение общенациональных целей»¹².

Начиная с нулевых годов появился ряд трудов обобщающего характера, причем во многих из них историю украинизации излагал известный советский и украинский историк С. В. Кульчицкий. Так,

8 *Субтельний О.* Україна: історія. Київ, 1991. С. 337.

9 «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки / відп. ред. В. А. Смолій; керівник авт. кол. В. М. Даниленко. Київ, 2003. С. 6.

10 Там же. С. 7.

11 Там же. С. 189.

12 Там же. С. 190.

он принимал участие в вышедшей в 2004 г. монографии «Украина и Россия в исторической ретроспективе», второй том которой носил название «Советский проект для Украины». «Большевики готовы были идти на далеко идущие уступки угнетенным нациям в деле возрождения их языка и культуры, даже в становлении национальной государственности, – пишет С. В. Кульчицкий. – Государственность была главным требованием угнетенных наций, но большевики могли идти им навстречу без всякого ущерба для своей власти вследствие взаимосвязанности партийной диктатуры с государственностью в ее советской оболочке»¹³. Одновременно признается, что «осуществляемая из Кремля политика украинизации не могла не способствовать преодолению русификации Украины, росту национального самосознания народных масс, наконец, государственным устремлениям народа». Эти последствия «были нежелательны для Кремля», который, впрочем, понимал, что «невозможно контролировать Украину только с помощью военной силы», а «украинцы должны были убедиться в том, что советская власть – это их собственная власть»¹⁴.

Признавая весомость результатов украинизации¹⁵, С. В. Кульчицкий подчеркивает, что «привитие тоталитарных властных структур общественному организму Украины сопровождалось большим культурным подъемом, названным в литературе национальным возрождением 20-х гг.». Именно благодаря усилиям национальной интеллигенции «были получены весомые достижения в развитии образования, науки, литературы и искусства», только небольшая группа ответственных работников КП(б)У – «в основном бывших боротьбистских»¹⁶ вождей, которые сплотились вокруг Н. Скрыпника» – действовала в интересах национального возрождения¹⁷. Одновременно Кульчицкий не преминул заметить, что «украинизация не затрагивала интересов

13 Україна і Росія в історичній ретроспективі: Нариси в 3-х т. Т. 2. Радянський проект для України / відп. ред. В. А. Смолій. Київ, 2004. С. 105.

14 Там же. С. 106.

15 Там же. С. 108.

16 Боротьбисты – члены украинских партий социалистической, а затем коммунистической направленности, действовавших в 1918–1920 гг.: Украинской партии социалистов-революционеров (боротьбистов), Украинской партии социалистов-революционеров (коммунистов-боротьбистов), Украинской коммунистической партии (боротьбистов). Название партии связано с названием газеты «Боротьба».

17 Україна і Росія в історичній ретроспективі. Т. 2. С. 105.

русскоязычного населения, но русская интеллигенция на Украине впервые почувствовала себя национальным меньшинством»¹⁸.

Результатом усилий созданной в 2002 г. украинско-российской комиссии историков стало издание истории Украины на русском языке, подготовленное украинскими учеными, и истории России на украинском, написанное их российскими коллегами¹⁹. Руководителем авторского коллектива очерков истории Украины был С. В. Кульчицкий. В этом труде украинизация также трактуется как политика вынужденная: «Советская Россия завоевала Украину с третьей попытки, однако удерживать ее только военной силой было невозможно. Граждане Украины должны были убедиться в том, что советская власть – это их собственная власть. Представителям этой власти следовало общаться с ними на их родном языке»²⁰. Кампания украинизации «сопровождалась весьма интенсивным национальным подъемом», а «представители интеллигенции, начиная с М. С. Грушевского, которые в прошлом создавали демократическую государственность украинского народа, нашли применение своим силам в советских условиях». Благодаря усилиям последних, подчеркивали украинские специалисты, были получены «весомые результаты в развитии национального образования, науки, литературы и искусства». Авторы очерков считают нужным констатировать: «Можно утверждать, что за 20-е гг. советская власть на Украине (в том числе ее силовая составляющая) вполне укоренилась»²¹.

До Евромайдана были подготовлены еще несколько интересных обобщающих работ. В 2012 г. вышел труд под названием «Национальный вопрос на Украине XX – начала XXI вв.». Авторы раздела о советской политике, Г. Г. Ефименко и Л. Д. Якубова, трактуют украинизацию через призму модернизации, обращая внимание на то, что перед большевистским руководством стояла задача экономического восстановления страны, главная сложность которой заключалась «в объективной обусловленности практического курса на строительство социализма в одной стране»²². Для строительства нового общества принципы

18 Там же. С. 111.

19 Нариси історії Росії: Пер. з рос. / Б. В. Ананьїч та ін.; за заг. ред. О. О. Чубар'яна. Київ, 2007; История Украины: научно-популярные очерки / под ред. В. А. Смолия. М., 2008.

20 История Украины: научно-популярные очерки. С. 626.

21 Там же. С. 628.

22 Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси / відп. ред. В. А. Смолій. Київ, 2012. С. 211.

индустриализма нужно было перенести на гуманитарную сферу и национальные отношения, дабы регулировать формирование мышления людей. «Для воплощения принципов индустриализма компартийной власти нужно было взять под контроль национально-культурную жизнь и соответствующим образом видоизменить психологию масс, – говорится в монографии. – Наиболее действенным средством в выполнении этой цели и стала введенная в 1923 г. политика коренизации. Главное ее содержание заключалось в содействии изучению и пропаганде коммунистических идей на родном для народных масс языке (на Украине – прежде всего украинском)»²³.

Однако в данной работе, в отличие от предшествующих, не акцентировалось внимание на том, что советская украинизация способствовала росту национального самосознания. Наоборот, авторы подчеркивают, что большевики стремились к созданию в будущем однородного общества без социальных и национальных различий: «Учитывая стратегическую цель коммунизма в национальном вопросе – единый язык, единая культура, все централизовано, унифицировано и стандартизировано, – от которой никоим образом не отказывались, можно сделать вывод, что, по замыслу компартийной верхушки, политика коренизации в УССР должна была способствовать распространению на украинском языке идеи о необходимости уничтожения национальных и языковых различий. Такая политика со временем вполне логично привела к распространению идеи о необходимости “приближения” украинского языка к русскому с целью их дальнейшего “слияния”»²⁴. Национально-культурная составляющая украинизации, по сути, сводилась к языковой, а «заигрывание большевистских руководителей с лояльной к советской власти украинской интеллигенцией обуславливалось не столько влиянием последней на украинское крестьянство, сколько насущной необходимостью использовать этот наиболее образованный слой украинского общества для стремительного и качественного повышения культурно-образовательного уровня народных масс»²⁵.

В 2013 г. увидела свет работа «Власть и общество на Украине. Исторический контекст». В разделе о государстве и обществе в советскую эпоху звучат положения, присущие более ранней работе – «Украина и Россия в исторической ретроспективе», – что не вызывает удивления, поскольку и в 2004, и в 2013 гг. разделы принадлежат перу

23 Там же. С. 212.

24 Там же. С. 212–213.

25 Там же. С. 213.

С. В. Кульчицкого. «Как и везде, украинизация способствовала преодолению русификации, росту национального самосознания народа, его государственным устремлениям. Это были нежелательные для Кремля последствия политики, которая осуществлялась с целью укоренения советской власти. Но на Украине эти последствия проявлялись сильнее. По территории, которую украинцы занимали, в том числе в соседней Российской Федерации, по количеству населения, по духовной соединенности с соотечественниками в Польше, Чехословакии и Румынии, по распространенности традиций освободительной борьбы они не шли в сравнение с другими народами тех национальных регионов, которые тоже вынуждены были довольствоваться квазигосударственностью в виде советской республики», – подчеркивает украинский историк²⁶. Признавая влияние политики большевиков на развитие национальных процессов, Кульчицкий считает, что это было заслугой «сравнительно немногочисленной группы ответственных работников КП(б)У, которых принято называть национал-коммунистами»²⁷.

С. В. Кульчицким также был написан текст об украинизации в коллективной монографии 2013 г. «Отношения государства, общества и личности при создании советского строя на Украине». В работе содержится ставший традиционным тезис об укоренении советской власти, одновременно историк по-прежнему считает необходимым отметить влияние украинизации на культурные и национальные процессы: «Следует признать, что кампания коренизации способствовала развитию культуры титульных наций, хотя государство в первую очередь рассчитывало на укоренение своей власти в обществе. Этот расчет оправдался: советская власть, которая за 1917–1919 гг. устанавливалась на Украине трижды, утратила оккупационный характер именно потому, что ей удалось найти общий язык с местными политическими силами еще до объявления официального курса на украинизацию». В то же время в этой работе историк представил советскую национальную политику через концепт титульной нации: коренизация предусматривала «предоставление нации возможности свободно развиваться в пределах ее собственной административно-территориальной единицы»²⁸. В отличие

26 Влада і суспільство в Україні. Історичний контекст / відп. ред. В. А. Смолій. Київ, 2013. С. 359.

27 Там же. С. 362.

28 Відносини держави, суспільства і особи під час створення радянського ладу в Україні (1917–1938 рр.): у 2 т. / відп. ред. В. Смолій. Київ, 2013. Т. 1. С. 110.

от Г. Г. Ефименко и Л. Д. Якубовой, заостряющих внимание на стремлении большевиков создать в будущем национально однородное общество, С. В. Кульчицкий считает, что советская власть хотя и подчеркивала свой интернационализм, но всегда отличала граждан по признаку этничности, причем «этот признак становился весомым не сам по себе, а только в сочетании с принадлежностью к титульной нации»: «Преследуемые на Украине за “буржуазный национализм”, украинцы часто спасались в Российской Федерации, где переставали быть представителями титульной нации, то есть теряли свой политический статус». Иными словами, «опасными для власти были только украинцы со статусом представителей титульной нации», но в то же время «в репрессивных действиях на Украине центральная власть пряталась за маску подчеркнутой украинофилии»²⁹.

С Евромайдана началась новая волна национализации истории. В 2015 г. Институт истории Украины издал коллективную монографию «Общество и власть на советской Украине в годы нэпа (1921–1928)». Как и в предыдущих работах, раздел, содержащий оценку формы и содержания советской украинизации, писал С. В. Кульчицкий. С его точки зрения, большевики должны были найти «формулу интеграции социально-экономических и национальных аспектов общественно-политической жизни, пригодную для использования в созидательной форме, а не в условиях гражданской войны». Первым шагом стало создание СССР, следующим – национальная политика, ориентированная на вовлечение в коммунистическое строительство нерусского населения³⁰. Вместе с обобщающим термином – коренизация – возникли и производные от названия титульной нации в каждой национальной республике. «Такая детализация оказалась на удивление удачным шагом компартийных пропагандистов. Она терминологически объединяла задачи укоренения советской власти с процессами национального возрождения, которые были главной целью демократических государств, возникших на руинах Российской империи»³¹, – отмечает историк.

В работе также акцентируется внимание на том, что большевики «признали советскую государственность угнетенных до революции наций». Впрочем, партийная диктатура обеспечивала централизацию политического режима, а «ощущение суверенной

29 Там же. С. 111.

30 Суспільство і влада в радянській Україні років непу (1921–1928): у 2 т. / відп. ред. С. Кульчицький. Київ, 2015. Т. 1. С. 100.

31 Там же. С. 101.

национальной государственности» было обманчивым³². Следует признать, что и в 2015 г. по-прежнему звучит тезис о том, что «украинизация способствовала преодолению русификации, росту национального самосознания народа, его государственно-цивилизационным устремлениям»³³. Одновременно Кульчицкий хотя и именует советские республики квазигосударственностью, но не считает УССР колонией: «Утверждения о колониальном положении Украины в Советском Союзе также не имеют под собой почвы, и уже потому, что в государстве-коммуне не было метрополии в общепринятом значении этого термина, а без метрополии теряет смысл понятие колонии. Русский язык оставался в статусе *lingua franca*³⁴, но Советский Союз строился на основе политизации этничности. Политизация этничности превращала нации, не исключая и великорусскую, в этносы, лишённые реальных государственных прав. Права и привилегии граждан независимо от их национальности и даже от места в иерархии власти, если речь шла о номенклатурных работниках, были узурпированы центром, который сузился до нескольких вождей»³⁵.

Вплоть до последнего времени в обобщающих трудах по истории Украины историки не игнорировали положительных последствий украинизации, хотя и подчеркивали противоречивость и «лицемерность» советской политики. Так, в выпущенной Институтом политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса НАНУ в том же 2015 г. работе «Украинская культура: цивилизационное измерение» ее авторы Я. С. Калакура, О. А. Рафальский и М. Ф. Юрий считают, что «реализация политики коренизации имела положительные последствия: функционировали национальная школа, пресса, книгоиздательство, в том числе для национальных меньшинств», хотя украинизация государственных учреждений и партийного аппарата происходила с большими сложностями из-за сопротивления со стороны служащих государственных учреждений и работников партийного аппарата³⁶.

32 Там же. С. 103.

33 Там же.

34 Лингва франка (от итал. *lingua franca* – франкский язык) – функциональный тип языка, используемый в качестве средства общения между носителями разных языков в ограниченных сферах социальных контактов.

35 Суспільство і влада в радянській Україні років непу (1921–1928). Т. 1. С. 102–103.

36 Калакура Я. С., Рафальський О. О., Юрій М. Ф. Українська культура: цивілізаційний вимір. Київ, 2015. С. 371.

«Культурные явления, которые не поддавались контролю со стороны государства и партии или в ходе национально-культурного возрождения выходили из-под соответствующего идеологического влияния, становились объектами репрессивной политики», – подчеркивают авторы, одновременно признавая, что украинизация дала толчок развитию «других сфер украинской культуры, в частности, под партийным патронатом создавался ряд литературных и художественных организаций»³⁷.

Совершенно иные подходы демонстрирует Л. Д. Якубова, автор раздела об этнонациональном развитии Советской Украины в коллективном труде Института истории Украины 2021 г. «Украина и украинцы в постимперский период (1917–1939)». Основной акцент она делает на осмыслении феномена нации вообще и украинской в частности и доказательстве того, что политика большевиков не повлияла на развитие последней. «Утверждение конструктивистов о том, что нации как крупные социальные феномены создаются на этапе модернизации национальными (политическими и культурными) элитами, получило всеобщее распространение. Банальная, не отягощенная углублением в местный материал, интерпретация тезиса привела к возникновению, а в начале XXI в. и доминированию в зарубежной историографии мнения о том, что советская власть является чуть ли не творцом всех постсоветских наций»³⁸, – пишет Якубова, ссылаясь в сноске на работы Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Т. Рейнджера, Р. Г. Суни и Т. Мартина. Украинский историк настаивает на «искусственности и ограниченности такого подхода», признавая, впрочем, что «выяснить суть советского эксперимента по так называемому решению национального вопроса во времена коренизации придется еще долго»³⁹. Особое негодование украинского историка вызвало то обстоятельство, что Р. Г. Суни и Т. Мартин пришли «к парадоксальному выводу об ущемлении прав русских во время политики коренизации»⁴⁰.

Л. Д. Якубова фактически отрицает важность наработок неукраинской историографии: «Подытоживая подходы западных коллег к анализу и интерпретации сути и последствий советской коренизации, следует отметить, что мало кому из них удалось выйти за рамки ситуативного объяснения отдельных причинно-следственных связей.

37 Там же. С. 372.

38 Україна й українці в постімперську добу (1917–1939). С. 426.

39 Там же. С. 427.

40 Там же. С. 431.

Традиционно сказывается неизменный россиецентрический подход, экстраполяция “российского опыта” (ведь подавляющее большинство исследователей если и работали с аутентичными архивами, то преимущественно в Москве, и до сих пор не знают украиноязычных источников, а тем более источников на языках этнических меньшинств) и западноевропейских теоретических клише, мало пригодных для анализа украинского опыта. В фокусе исследований, как правило, оказываются Москва/Кремль и сложные/противоречивые отношения центра с национальными республиками, в частности Украиной. При этом колоссальный уникальный опыт *внутриреспубликанских отношений и собственно украинских экспериментов* остается без внимания. Вместе с тем именно он является бесценным достоянием Украины, ее крестом и родовым отличием, продолжающим влиять на современность. Осмелимся утверждать, что его знание *абсолютно обязательно* для понимания сущности процесса украинского нациетворчества и современных вызовов»⁴¹.

Отчасти украинский историк права: действительно, западные специалисты – впрочем, и не только они – много внимания уделяют позиции центрального партийного руководства, что не удивительно, учитывая его влияние на определение путей развития советского государства. Однако вряд ли стоит огульно отрицать знакомство западных коллег с украинскими реалиями. Например, Т. Мартин работал не только в московских архивах, но и в киевских – в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины и Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины⁴². Еще более резкие слова заслужила российская историография, оценка которой приведена в сноске. С точки зрения Л. Д. Якубовой, последняя «остается во многом созвучной с партийными постановлениями X, XII съездов ВКП(б) и других центральных и региональных форумов. Авторы в основном и дальше утверждают, что ведущей целью коренизации было содействие национально-культурному развитию этносов на постимперских пространствах»⁴³. Существуют, по мнению украинского историка,

41 Там же. С. 427. Здесь и далее в цитатах курсив принадлежит Л. Д. Якубовой.

42 Подробнее об архивных источниках см.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С 636–638.

43 Україна й українці в постімперську добу (1917–1939). С. 427.

«немногочисленные исключения» в российской историографии – В. Дённингхаус. Якубова упоминает его монографию, изданную в 2011 г. в Москве на русском языке⁴⁴. Последнее обстоятельство требует пояснения: впервые работа издана как публикация Федерального института культуры и истории немцев в Восточной Европе (ФРГ), о чем сделана специальная запись в русском издании⁴⁵. Виктор Дённингхаус родился в 1964 г., в 1993 г., уже на независимой Украине, окончил аспирантуру Днепропетровского государственного университета, в 2006 г. прошел хабилитацию во Фрайбургском университете Альберта Людвига, работал во Фрайбурге, Дюссельдорфе, Констанце, Гамбурге, в Немецком историческом институте в Москве, с 2014 г. – заместитель директора Нордост-Института в Люнебурге⁴⁶.

В целом историографический экскурс является не самой сильной стороной раздела. Тем не менее следует согласиться с мнением украинского историка о том, что изучение «частностей на местном материале» необходимо⁴⁷. Впрочем, следует учитывать как региональную/республиканскую специфику, так и общесоюзные и геополитические реалии, дабы выяснить, насколько местные особенности исключительны, насколько самостоятельно было республиканское руководство и т. д.

Требуют доказательной базы и другие замечания Л. Д. Якубовой. Она пишет, что курс на коренизацию, «который в УССР принял форму украинизации и коренизации в отношении этнических меньшинств», был принят «в синтезе с другим ключевым политическим событием 1923 г. – созданием СССР (6 июля 1923 г.)»⁴⁸. В данном случае автор отказывается от устоявшейся в историографии даты создания СССР⁴⁹ (как и Г. Ефименко в другом разделе) переносит ее

44 Дённингхаус В. В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М., 2011.

45 Dönninghaus V. Minderheiten in Bedrängnis. Sowjetische Politik gegenüber Deutschen, Polen und anderen Diaspora-Nationalitäten 1917–1938. München, 2009. 693 s. = Schriften des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa, 35.

46 URL: <https://www.ikgn.de/institut/wissenschaftliches-team/victor-doeninghaus.html> (дата обращения: 22.04.2024).

47 Україна й українці в постімперську добу (1917–1939). С. 427.

48 Там же. С. 435.

49 Впрочем, в коллективной монографии присутствует целый раздел, написанный Г. Ефименко и посвященный этим событиям: Від договірної федерації до союзу республік (1921–1923) // Там же. С. 247–264.

с 30 декабря 1922 г., когда был подписан Договор об его образовании, на 6 июля 1923 г., когда II сессия ЦИК СССР приняла ряд важных решений, в том числе постановление о введении в действие конституции союзного государства.

Как и в работе 2012 г., в 2021 г. Л. Д. Якубова подчеркивает интернационализм большевиков: «...развивать политическую теорию в национальном направлении большевики не считали нужным, поскольку основой большевизма провозглашался интернационализм»⁵⁰. Практика большевиков «опиралась не столько на теорию, сколько на террор и политическую демагогию, неоднократно меняя векторы и провозглашая предыдущий временным отступлением от генеральной линии»⁵¹. Как пишет украинский историк, «создание советских наций не было идеей фикс или по крайней мере ориентиром большевистского руководства, а всего лишь инструментом ускорения исторического транзита от одной социально-экономической формации к другой»⁵². «В отношении Украины основополагающий вопрос историков-конструктивистов – “Кто и когда создал советские (в частности, украинскую) нации?” – приобретает неожиданное метафорическое звучание, – настаивает Якубова. – Зная историю Украины, следует подчеркнуть, что социальный феномен, который ныне называют украинской нацией, скорее не родился в результате создания, а смог выжить в условиях угнетения. То есть *вопреки*, а не *благодаря*. В этом, вероятно, и заключается нетипичность украинского опыта»⁵³.

Л. Д. Якубова транслирует характерные для украинской историографии постулаты: большевики не имели на Украине «реальной поддержки ни в среде крестьянства, ни в среде рабочих, а тем более среди рядовых городских обывателей»⁵⁴, коренизация была вынужденной тактической уступкой, необходимой для налаживания взаимоотношений с населением⁵⁵. Признавая новаторский характер политики коренизации, украинский историк дает вызывающую множество вопросов оценку: «Экстраординарность этнокультурной ситуации в УССР определялась, во-первых, тем, что веками возводимый на позиции второстепенного, неполноценного этнос получил возможность

50 Там же. С. 428.

51 Там же. С. 429.

52 Там же. С. 430.

53 Там же. С. 431.

54 Там же. С. 435.

55 Там же. С. 438.

распространить свои этнические особенности на все сферы государственной жизни и занять соответствующее удельному весу населения место в государственных учреждениях (что само по себе было существенным шагом вперед в этногенезе украинства)»⁵⁶.

К сожалению, историк не дает каких-либо разъяснений по поводу столь жесткого определения. Относится ли данное высказывание к социальной структуре украинской нации? Малороссы в Российской империи были преимущественно сельскими жителями. В уже упоминавшихся очерках «История Украины» читаем: «По большей части украинцы были сельскими жителями (более 90 % как в Австрийской, так и в Российской империях), что, как уже отмечалось выше, было характерным для традиционных обществ (в частности, для большинства народов Центрально-Восточной Европы того времени). Правда, в отличие от чехов, поляков и пр., украинцы на конец XVIII в. почти полностью потеряли собственную земельную шляхту, их было крайне мало среди чиновников, представителей “свободных” профессий, военных. Таким образом, социальный состав украинцев в XIX столетии мало изменялся и отличался однородностью и нехваткой сословной дифференциации»⁵⁷.

Считались ли малороссы в Российской империи людьми «второго сорта»? Безусловно, запретительные меры в отношении малороссийского языка имели место (Валуевский циркуляр, Эмский указ⁵⁸), что не удивительно, учитывая важность для имперской власти политической лояльности, наличие иерархии сословий и культуры⁵⁹. Однако на официальном уровне речь шла о триедином русском народе и трех

56 Там же. С. 441.

57 История Украины: научно-популярные очерки. С. 367–368.

58 Так называемый Валуевский циркуляр 1863 г. – предписание министра внутренних дел Российской империи П. А. Валуева цензурным комитетам о запрете печатания литературы на малороссийском языке – религиозной, учебной и предназначенной для начального чтения. Ограничения не касались произведений в области изящной словесности. Эмский указ – наименование выводов Особого совещания для пресечения украинофильской пропаганды, подписанных Александром II в 1876 г. в германском городе Бад-Эмс – предусматривал запрет на издание в Российской империи и ввоз из-за границы книг на малорусском наречии, постановку сценических представлений и др. ограничительные меры.

59 *Kanneler A.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: Украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: История взаимоотношений / отв. ред. А. И. Миллер и др. М., 1997. С. 125–144.

его «ветвях» – великороссах, малороссах и белорусах, что не подразумевало какой-либо дискриминации по этническому признаку. Более того, анализируя этнокультурные стереотипы малороссов в российской культуре второй половины XIX в., М. В. Лескинен указывает: «“Малороссийский народ” представлял в крестьянской ипостаси, выступая хранителем традиций славянской и русской старины, верований, идеалов и норм патриархальной жизни, утерянных в “великороссийской” среде с петровскими преобразованиями и просвещением. В основе образа щедрого и доброго “хохла” лежало восприятие Малороссии как утопического топоса, как “русской Аркадии”, края плодородия и изобилия, “земли, текущей медом и молоком”. Это рождало образ народа сытого, довольного, веселого и добродетельного. [...] Устойчивым романтическим стереотипом становится также идеализированный образ южанки-малороссиянки – яркой красавицы, пленительной, всегда темпераментной и энергичной, – в соответствии с известным романтическим противопоставлением “нравов” северных и южных народов. Ее характерными чертами были черные глаза, темные волосы, смуглая кожа, румянец и бойкость»⁶⁰.

Рассматривая практику советской коренизации, Л. Д. Якубова вполне справедливо отмечает, что «в СССР/УССР она внедрялась в особом правовом поле без определения терминов “национальное меньшинство”, “коренной народ”, “титульная нация” и основывалась на отрицании предоставления какому-то одному языку статуса государственного»⁶¹. Следует заметить, что украинский историк много внимания уделила мероприятиям в отношении этнических меньшинств. Это, безусловно, является плюсом работы, отличающим ее от многих других обобщающих трудов по данной теме. Однако это явилось и минусом очерков, поскольку реалиям собственно украинизации практически не уделено внимания. Так, рассуждая об образовательной стороне коренизации, Якубова приводит подробный список немецких, еврейских, польских, болгарских, татарских, чешских, армянских, греческих школ⁶², но в этом длинном перечне украинские школы не упомянуты вообще. Рассматривая издательскую деятельность, Якубова

60 Лескинен М. В. Этнокультурные стереотипы малороссов и белорусов в визуальных текстах российской культуры второй половины XIX в.: проблемы интерпретации // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2022. № 2. С. 17.

61 Україна й українці в постімперську добу (1917–1939). С. 444.

62 Там же. С. 445.

перечисляет количество книг на русском, болгарском, греческом, еврейском, молдавском, польском, немецком, татарском и чешском языках, но ничего не пишет о книгах на украинском языке⁶³.

В то же время, рассматривая борьбу сталинского руководства с интеллектуальной оппозицией, Л. Д. Якубова много внимания уделяет «экзекуции народнической части украинских элит»⁶⁴. Такой подход к интерпретации советской национальной политики в определенной степени объясняется желанием изложить сложные реалии советской действительности через призму колониального подхода. Якубова, в отличие от своих коллег, описывающих украинизацию в более ранних работах, отрицает какое-либо влияние большевистской политики на нациестроительство. «Вряд ли можно обоснованно утверждать, что с провозглашением курса на коренизацию/украинизацию и его имплементацией в украинском законодательстве багаж колониального прошлого, последствия изнурительного культурного донорства метрополии, навязанного – и многими принятого – провинциализма исчезли автоматически, – делает вывод украинский историк. – Вряд ли уместно поддерживать историографические иллюзии периода перестройки о том, что коренизация создала благоприятные условия для модернизации украинцев как этнической группы. Вряд ли сейчас кто-то всерьез будет утверждать, что 1920-е гг. были временем, достаточным для оформления процессов, на которые ряду европейских наций понадобились десятилетия. Впрочем, в начале политики украинизации/коренизации большинство интеллектуалов, оказавшихся в плену тех или иных левых идеологий, предпочитали на этом не акцентировать внимание, хотя большевики были абсолютно откровенными ассимиляторами, правда, с интернационалистской риторикой»⁶⁵.

Таким образом, советская украинизация относится к одним из самых политизированных проблем в современной украинской историографии и трактуется в русле националистического нарратива, через призму политических стремлений «сознательных украинцев» и национально-освободительной борьбы. Такая схема чрезвычайно упрощает видение советской политики, не учитывает не только общесоюзные политические, социальные и культурные тенденции, но и внутриреспубликанский межэтнический контекст. Трактовка советской украинизации в обобщающих трудах на протяжении трех

63 Там же. С. 447–448.

64 Там же. С. 449.

65 Там же. С. 471.

десятков лет, прошедших после распада Советского Союза, сохраняла несколько базовых принципов: вынужденность коренизации из-за узкой базы большевистской партии в национальных республиках, противоречивость и непоследовательность курса на коренизацию, активная роль в украинизации национальных сил. Однако долгое время в обобщающих трудах признавалось влияние украинизации – в той или иной мере – на национально-культурное развитие украинцев, но в последнем крупном проекте, очерках истории Украины, большевикам отказано в каком-либо положительном влиянии на нациообразующие процессы.

Уже после выхода в свет тома очерков истории Украины, посвященного межвоенному периоду, в 2022 г. в Украинском историческом журнале появилась статья Я. В. Верменич⁶⁶, которая еще раз попыталась привлечь внимание к проблемам советской коренизации. «Можно ли считать, что в оценках политики коренизации все точки над “і” уже расставлены? – спрашивает Верменич. – Честно признаю: со времени, когда я впервые погрузилась в поток информации, сосредоточенной в научных и публицистических дискурсах 20–30-х гг. и более поздних времен, меня не покидает ощущение незавершенности сделанного»⁶⁷.

Исследователь призывает избегать крайностей в интерпретации украинизации: «Нельзя, как это иногда делается, абсолютизировать достижения украинизации, не замечая неоднозначного отношения к ней в тогдашнем обществе, отмахнуться от анализа неизбежных в условиях острого идейного противоборства ошибок, крайностей, бессодержательных деклараций, ожесточенных споров. Опыт коренизации далеко не во всем положительный, особенно учитывая тот трагический подтекст, который придавала ему эпоха сталинизма. Однако нет, на наш взгляд, оснований видеть в этом процессе что-то вроде заранее спланированного обмана, а то и провокации. Практика осуществления украинизации высветила трагические в своей основе коллизии постреволюционной эпохи, которые вытекали из растерянности правящей партии, малоэффективных поисков компромисса между централизмом и федерализмом. Она развеяла иллюзии о возможности

66 Одна из авторов монографии «“Украинизация” 1920–30-х годов: предпосылки, достижения, уроки». *Верменич Я.* «Радянiзацiя» чи «нацiоналiзацiя»: ще раз про сутнiсть полiтики коренiзацiї 1920 – початку 1930-х рр. // *Український історичний журнал.* 2022. № 3. С. 158–175.

67 Там же. С. 161.

решения чуть ли не всех, в том числе и самых сложных, проблем путем директивного вмешательства. Но она продемонстрировала также большие резервы и возможности целенаправленного воздействия на духовную сферу с целью пробуждения национального самосознания – даже в тех сложных случаях, когда родной язык оказался утраченным уже в нескольких поколениях»⁶⁸. С таким подходом нельзя не согласиться. История УССР, как и история советского времени в целом, нуждается в беспристрастном анализе, только по результатам которого можно давать какие-то оценки. И тут, несмотря на огромное количество публикаций, еще очень много работы.

Источники и литература

Верменич Я. «Радянізація» чи «націоналізація»: ще раз про сутність політики коренізації 1920 – початку 1930-х рр. // Український історичний журнал. 2022 № 3. С. 158–175. DOI: 10.15407/uhj2022.03.158.

Відносини держави, суспільства і особи під час створення радянського ладу в Україні (1917–1938 рр.): у 2 т. / відп. ред. В. Смолій. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. Т. 1. 750 с.

Влада і суспільство в Україні. Історичний контекст / відп. ред. В. А. Смолій. Київ: НАН України, Інститут історії України, 2013. 506 с.

История Украины: научно-популярные очерки / под ред. В. А. Смолія. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 1070 с.

Історія України: нове бачення: у 2 т. / В. Ф. Верстюк та ін.; під ред. В. А. Смолія. Київ: Видавництво «Україна», 1996. Т. 2. 494 с.

Калакура Я. С., Рафальський О. О., Юрій М. Ф. Українська культура: цивілізаційний вимір. Київ: ІПіЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2015. 496 с.

Каннелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: Украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: История взаимоотношений / отв. ред. А. И. Миллер и др. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 125–144.

Касьянов Г. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 624 с.

Лескинен М. В. Етнокультурные стереотипы малорусов и белорусов в визуальных текстах российской культуры второй половины XIX в.: проблемы интерпретации // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2022. № 2. С. 15–34. DOI: 10.21638/spbu19.2022.202.

68 Там же. С. 167–168.

Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси / відп. ред. В. А. Смолій. Київ: Ніка-Центр, 2012. 592 с.

Субтельний О. Україна: історія. Київ: Либідь, 1991. 512 с.

Суспільство і влада в радянській Україні років непу (1921–1928): у 2 т. / відп. ред. С. Кульчицький. Київ: Інститут історії України, 2015. Т. 1. 656 с.

Україна і Росія в історичній ретроспективі: Нариси в 3 т. Т. 2. Радянський проєкт для України / відп. ред. В. А. Смолій. Київ: Наукова думка, 2004. 531 с.

Україна й українці в постімперську добу (1917–1939) / Л. Якубова (керівник авт. кол.) та ін.; відп. ред. В. Смолій. Київ: Академперіодика, 2021. 620 с.

«Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки / відп. ред. В. А. Смолій; керівник авт. кол. В. М. Даниленко. Київ: Інститут історії України, 2003. 392 с.

References

Istoriia Ukrainy: nauchno-populiarnye ocherki, ed. by V. A. Smolii. Moscow: OLMA Meda Grupp, 2008, 1070 p.

Istoriia Ukrainy: nove bachennia: in 2 vols., ed. by V. F. Verstiuk, V. A. Smolii et al. Kyiv: Vydavnytstvo “Ukraina”, 1996, vol. 2, 494 p.

Kalakura, Ia. S., Rafal's'kyi, O. O., Iurii, M. F. *Ukrains'ka kul'tura: tsyvilizatsiinyi vymir*. Kyiv: IPIEND im. I. F. Kurasa NAN Ukrainy, 2015, 496 p.

Kappeler, A. “Mazepintsy, malorossy, khokhly: Ukraintsy v etnicheskoi ierarkhii Rossiiskoi imperii.” *Rossia – Ukraina: Istoriia vzaimootnoshenii*, ed. by A. I. Miller et al. Moscow: Shkola “Iazyki russkoi kul'tury”, 1997, pp. 125–144.

Kas'ianov, G. *Ukraina i sosed'i: istoricheskaiia politika. 1987–2018*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, 624 p.

Leskinen, M. V. “Etnokul'turnye stereotipy malorusov i belorusov v vizual'nykh tekstakh rossiiskoi kul'tury vtoroi poloviny XIX v.: problemy interpretatsii.” *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2022, No 2, pp. 15–34. DOI: 10.21638/spbu19.2022.202.

Natsional'ne pytannia v Ukraini XX – pochatku XXI st.: istorychni narysy, ed. by V. A. Smolii. Kyiv: Nika-Tsentr, 2012, 592 p.

Subtel'nyi, O. *Ukraina: istoriia*. Kyiv: Lybid', 1991, 512 p.

Suspil'stvo i vlada v radians'kii Ukraini rokiv nepu (1921–1928), in 2 vols., ed. by S. Kul'chyts'kyi. Kyiv: Instytut istorii Ukrainy, 2015, vol. 1, 656 p.

Ukraina i Rosiia v istorychnii retrospektyvi: Narysy, in 3 vols. Vol. 2. Radians'kyi proekt dlia Ukrainy, ed. by V. A. Smolii. Kyiv: Naukova dumka, 2004, 531 p.

Ukraïna i Ukraïntsi v postimpers'ku dobu (1917–1939), ed. by L. Iakubova, V. Smolii et al. Kyiv: Akademperiodyka, 2021, 620 p.

«Ukraïnizatsiia» 1920–30-kh rokiv: *peredumovy, zdobutky, uroky*, ed. by V. A. Smolii, V. M. Danylenko et al. Kyiv: Instytut istoriï Ukraïny, 2003, 392 p.

Vermenych, Ia. “«Radianizatsiia» chy «natsionalizatsiia»: shehe raz pro sutnist' polityky korenizatsiï 1920 – pochatku 1930-kh rr.?” *Ukraïns'kyï istorychnyi zhurnal*, 2022, No 3, pp. 158–175. DOI: 10.15407/uhj2022.03.158

Vidnosyny derzhavy, suspil'stva i osoby pid chas stvorennia radians'koho ladu v Ukraïni (1917–1938 rr.), in 2 books, ed. by V. Smolii. Kyiv: Instytut istoriï Ukraïny NAN Ukraïny, 2013, book 2, 750 p.

Vlada i suspil'stvo v Ukraïni. Istorychnyi kontekst, ed. by V. A. Smolii. Kyiv: NAN Ukraïny, Instytut istoriï Ukraïny, 2013, 506 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.04

E. Yu. Borisyonok

On the Concept of Soviet Ukrainianization in Modern Ukrainian Science

Elena Yu. Borisyonok

Doctor of History, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: vostslav@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8642-0185

Citation

Borisyonok E. Yu. On the Concept of Soviet Ukrainianization in Modern Ukrainian Science // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 82–104 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.04

Received: 24.07.2024.

Revised: 03.03.2025.

Accepted: 18.03.2025.

Abstract

The article analyzes the perceptions of Soviet korenization/Ukrainianization in the nationalized version of Ukrainian history. The main focus is on the generalizing academic works of modern Ukrainian historians, which were written by professional historians during the last 30 years. The works of the Institute of History of Ukraine of the National Acad-

emy of Sciences of Ukraine are analyzed. This institute is one of the leading scientific institutions and a partner of the state in the professional historical environment. The problem of Soviet Ukrainianization is extremely politicized and interpreted in the context of the nationalist narrative and the national liberation struggle. The basic principles of the concept of Soviet Ukrainianization are as follows: forced Ukrainianization due to the narrow base of the Bolshevik party in the republic, contradictory and inconsistent policy, and the leading role of national forces in promoting the Ukrainianization course. For a long time, the influence of Ukrainianization on the national and cultural development of Ukrainians was recognized. However, in the 2021 work entitled “Ukraine and Ukrainians in the post-imperial period (1917–1939)” the Bolsheviks are denied any positive influence on the nation-forming processes in the Ukrainian SSR.

Keywords

Modern Ukrainian historiography, Soviet Ukrainianization, Ukrainian SSR, national policy of the Bolsheviks.